

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

XXI ЛЕОНТЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ: «30 ЛЕТ ПОСЛЕ СОЦИАЛИЗМА: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ РОССИЙСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ»

11–12 февраля 2022 г. в Санкт-Петербурге прошла XXI международная конференция, ежегодно организуемая МЦСЭИ «Леонтьевский центр». Тема конференции, вынесенная в название, отражает огромный научный интерес к российскому пути формирования рыночной экономики в неразрывной связи экономики и политики. Ключевыми моментами анализа являются роль государства и эволюция социальных институтов. Открытое обсуждение этих вопросов выявило многообразие мнений, способствовало аргументированной оценке пройденного пути и направлений дальнейшего развития российского общества.

Дискуссионный характер обсуждения был задан первым докладчиком *А. П. Заостровцевым* (МЦСЭИ «Леонтьевский центр», НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург) в докладе «Посткоммунистическая эволюция российских институтов: модернизация как реставрация». Он разделил два варианта модернизации этакратического общества: адаптация с сохранением верховенства государства и вестернизация с переходом к верховенству права. В качестве примера первого пути были приведены Китай, Россия, Иран, а примера второго пути — Япония, Ю. Корея, Тайвань. Сохранение в России ведущей роли государства (после короткого перерыва в 1990-е гг.), полемически названной реставрацией и Московской 3.0, докладчик объясняет исторической преемственностью и сложившейся культурой на примере социологических опросов. Институциональным ядром такого общества он считает соединение власти и собственности, при котором частная собственность индивида оказывается условной и сводится к держанию, зависящему от его служения власти. Важным элементом такой системы является административная рента. Следует отметить, что доклад и вся конференция прошли до начала специальной военной операции на Украине и принятия жестких санкционных ограничений. Санкции, проводимые США, ЕС и рядом других вестернизированных государств, показывают, что права собственности частных лиц и интересы бизнеса могут существенно зависеть от политических решений этих государств.

В. И. Нефёдкин (Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН, Новосибирск) в докладе «От власти корпораций — к корпоративному государству: постсоветская эволюция» рассмотрел формирование «экономической вертикали» власти, основу которой составляют крупные ресурсные и инфраструктурные корпорации. Отметив, что большинство крупных корпораций являются прямыми наследниками советских министерств, и их экономическая власть оказывается шире, чем доминирование на рынке, докладчик описал формы осуществления корпоративной власти и получения корпоративной ренты. Предлагая использовать долю контролируемых корпорацией трансакций в качестве метрики для измерения корпоративной власти, он утверждает, что существует долгосрочная устойчивая тенденция к концентрации экономической власти и росту корпоративной ренты. Последствиями этого являются сжатие конкурентного поля в реальном секторе экономики и эффект, когда излишек производителя не компенсирует потери потребителя, и в итоге возникают чистые суммарные потери для общества. Продолжающееся увеличение

доли государства и институциональные предпочтения крупным корпорациям свидетельствуют о формировании в России корпоративного государства.

Р. М. Нуреев (Финансовый университет при Правительстве РФ, Институт экономики РАН, Москва; Казанский (Приволжский) федеральный университет) в докладе «Экономические субъекты постсоветской России: эффект колеи» продолжил тему зависимости от траектории предшествующего развития. На примере управленческой номенклатуры и институциональных изменений домохозяйств он показал зависимость не только от исходного состояния в СССР, но и от действий политических и экономических агентов в России в 1990-х и 2000-х гг. Сравнение ожидаемых в ходе радикальных реформ и реально произошедших институциональных изменений домохозяйств по ряду характеристик показывает, что результаты оказываются намного скромнее ожидаемых, и изменения, с точки зрения развития рыночной экономики, далеко не всегда происходят в «оптимальном» направлении.

Е. А. Капогузов (Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского) в докладе «Трансформация импортированных институтов и российские реформы: 30 лет спустя» обратил внимание на специфику заимствования институтов, возникших и развившихся в странах с развитой рыночной экономикой (как Запада, так и Востока). Примеры трансформации импортированных институтов в России показывают проблемы их имплементации и причины провалов.

Постоянный участник Леонтьевских чтений *Марек Домбровски* (НИУ Высшая школа экономики, Москва; CASE, Варшава, Польша; Vriegel, Брюссель, Бельгия) в докладе «Трансформация к рынку: ретроспективное сравнение Китая со странами бывшего Советского блока» провел различие быстрой трансформации (шоковой терапии) в СССР и странах Восточной Европы с постепенной многоэтапной (градуализм) трансформацией в Китае. Успехи Китая в реформировании экономики общепризнаны, но анализ стартовых условий (уровень экономического развития и индустриализации, социальные обязательства и политические требования демократизации) при проведении реформ показывает, что китайский вариант постепенных реформ был труднореализуем для стран бывшего Советского блока.

Два доклада *С. Н. Левин* (Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва) «Рынки власти в современной России» и *В. П. Макаренко* (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону) «Насилие и политическая бюрократия» посвящены политическим аспектам развития российского общества. Были рассмотрены теоретические концепции формирования рынка власти как дискретных структурных альтернатив с различной степенью эффективности и роли различных акторов на политических рынках. Особое внимание было уделено использованию насилия и роли бюрократии в принятии политических решений. В продолжение темы *А. Я. Рубинштейн*, *Р. С. Гринберг* и *А. Е. Городецкий* (Институт экономики РАН, Москва) в коллективном докладе «Теоретические аспекты регресса патерналистского государства» также рассматривали теоретическую концепцию государственного патернализма. Когда государство действует в собственных интересах, в том числе устраняя провалы рынка, то это может привести к патерналистскому провалу — комбинации изъянов общественного выбора и нерациональных действий бюрократии, выбору целей патерналистского государства, не соответствующих интересам общества, и ошибочных стратегий их реализации. В докладе приведены примеры таких провалов, ведущих к регрессу патерналистского государства.

Тему колеи продолжил *Г. Л. Тульчинский* (НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург) в сообщении «Терминатор в колее или российская эхолалия цивилизационных трендов», в котором он предложил сместить фокус с колеи и догоняющего развития

на выработку своего собственного пути в мировой целостности. В общей дискуссии о выборе пути *А. А. Яковлев* (НИУ Высшая школа экономики, Москва) выступил с докладом «Конкуренция моделей капитализма: проекция на Россию». Сравнивая две модели развитой рыночной экономики (капитализма), со свободным и регулируемым рынком, он отмечает, что путь к этим моделям для развивающихся стран лежит через разные формы государственного регулирования и контроля, что создает свои модели рыночной экономики. Рассматривая ориентацию России на выбор модели развития в разные периоды с 1990-х по 2001 г. он предупреждает об опасности выбора политики осажденной крепости и «экономики сопротивления».

В. Л. Тамбовцев (МГУ им. М. В. Ломоносова) в докладе «Изменение режимов собственности в России (конец РСФСР — сегодняшняя РФ): теоретическая реконструкция» провел теоретический анализ форм и режимов собственности, определяющих условия доступа к правам собственности. Теоретический анализ дополнен анализом динамики форм и режимов собственности в исторической ретроспективе при реализации реформ в РФ. При этом можно отметить, что в настоящее время происходит рост частного режима, в том числе на объекты государственной собственности.

Л. М. Григорьев (НИУ Высшая школа экономики, Москва) в докладе «Проблема конгруэнтности трансформации» дал общую оценку российским реформам как несогласованным действиям. В условиях кризиса начала 1990-х, высокой инфляции и безработицы, спада производства, массовой бедности и распада страны, низких цен на нефть и др. проблем, реформы проводились в ускоренном порядке. Возникает оценка, что реформы проводятся не для огромного сложного комплекса страт и интересов, а для реформаторских элит, или новых элит — победителей, «которые получают все». Универсальные рекомендации перехода к рыночной экономике плохо работали без учета специфики спада российской экономики. Использование промежуточных институтов также требует тщательного планирования. Недостаток конгруэнтности (согласованности) реформ не позволил добиться ожидаемых целей.

М. Э. Дмитриев (Институт общественных наук РАНХиГС, Москва) в своем докладе «Рыночные реформы и структурные шоки: некоторые уроки 30 лет спустя» продолжил анализ реформ с описанием личного участия в их разработке и реализации. Дав общую оценку сложившимся тяжелым условиям, докладчик отметил, что команда Гайдара, как разработчики реформ, была вынуждена начать со структурно нейтральных реформ, влияющих на всю экономику и не направленных на содействие развитию конкретных отраслей, отложив структурные реформы на потом. Только для двух секторов, сельского хозяйства и угольной отрасли, удалось на самом начальном этапе инициировать отраслевые реформы. В докладе описаны условия и положительные результаты реформ в этих отраслях. По мнению докладчика, недооценка роли структурных реформ в 1990-х гг. и в последующее время снизили успешность трансформации российской экономики. В качестве успешного примера структурной реформы в Финляндии приведена компания «Нокиа» как драйвер национальной экономики. В России потребность в структурных реформах остается высокой по многим секторам, но особенно важной становится в условиях глобального энергетического перехода и новой реальности санкционных ограничений.

Тему трансплантации институтов затронул *А. Е. Шастинко* (МГУ им. М. В. Ломоносова) в докладе «Химеры в российском антитрасте: подходы к расшифровке генома». На примере антитрастовой борьбы с коллективным доминированием и двусторонними монополиями, как с провалами рынка, рассматриваются

возможные действия — компенсация рыночного изъяна, устранение рыночного изъяна или сохранение статус-кво. Выбор институциональных инструментов и внедрение их в российскую практику требуют дополнительного анализа издержек перехода и оценки эффектов.

П. М. Лукичев (БГТУ «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова, Санкт-Петербург) в докладе «Новое международное разделение труда и позиция в нем России» рассмотрел причины возникновения новых тенденций в международном разделении труда: цифровизация, пандемия, политизация торговли и их влияние на кризис цепочек поставок и деформацию рынка труда. Эти тенденции ставят перед Россией новые задачи, и необходимо принятие стратегических решений о позиции России в международном разделении труда.

Т. М. Малева (Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС, Москва) в докладе «Динамика социальной структуры в посттрансформационной России» привела результаты масштабных репрезентативных опросов населения по их отношению к среднему классу и нижнему классу бедности. При общем сокращении доли среднего класса в России превалирует социально-экономическая политика преодоления бедности, что ведет к росту класса ниже среднего. Этот класс формирует стандарты и запросы общества в целом, то есть выполняет ту роль и те функции, которые в развитой экономике должен выполнять средний класс.

Второй день конференции открыл академик РАН *В. М. Полтерович* (ЦЭМИ РАН, МГУ им. М. В. Ломоносова) интересным докладом «Альянс ЕС и России: возможно ли это?». Выбор стратегического сотрудничества с лидерами мировой экономики существенно влияет на будущее России. Идея экономической интеграции стран СССР и Западной Европы была высказана еще Шарлем де Голлем в 1959 г., а в 1994 г. было подписано соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Европейским союзом и Россией, но в дальнейшем, к сожалению, сотрудничество стало сворачиваться. Тем не менее сотрудничество с Европой (относящейся к консенсусной демократии) для нас предпочтительнее и легче, чем с США (относящейся к мажоритарной демократии). Между Западной Европой и США есть стратегическое партнерство, но есть и глубокие противоречия. По мнению *В. М. Полтеровича*, России нужно крепить сотрудничество с ЕС, но нет уверенности, что будет выбрана эта эффективная стратегия. События на Украине, произошедшие уже после этого доклада и после конференции, подтвердили сомнения докладчика и отодвинули возможность сотрудничества с Европой, усилив ориентацию на Китай и другие независимые страны.

Три доклада были посвящены роли банковской системы России. *С. Г. Курдина-Чэндлер* (Институт экономики РАН, Москва) в своем докладе «Институционализация денежного обращения в постсоветской России: выучены ли уроки СССР?» провела сравнение инфраструктуры и институтов денежного обращения СССР и современной России. Разделив институты на 2 типа: *X*-матрицы (доминантные) и *Y*-матрицы (комплементарные) провела анализ исторической эволюции институтов денежного обращения. Результаты анализа дают ответ на поставленный в названии вопрос, что в значительной степени уроки выучены, но возвратное усиление *X*-институтов с ростом роли государства может нести риски, свойственные этим институтам.

А. А. Белых (РАНХиГС, Москва) в докладе «30 лет банковской системе постсоветской России» продолжил банковскую тематику. Рассмотрев этапы становления банковской системы с учетом собственного опыта работы в банках, он дал в целом положительную оценку сложившейся банковской системе, выполняющей свои задачи в отношении как юридических, так и физических лиц, но отметил

недостатки: относительную неразвитость финансовой инфраструктуры и чрезмерную долю государства в банковском секторе.

Научный руководитель МЦСЭИ «Леонтьевский центр» *С. А. Васильев* выступил с докладом «Была ли возможность компенсации вкладов населения в Сбербанке СССР?». Обозначив свою позицию, что недостаточная компенсация вкладов населения была теоретической и политической ошибкой реформаторов, он рассмотрел возможные подходы к компенсации и принятый в 1995 г. Закон о восстановлении и защите сбережений (ЦДО). На основе сравнения сберегательного долга и официального государственного долга по отношению к ВВП по пятилетним периодам он сделал вывод о реальной финансовой возможности для компенсации вкладов в размере порядка одного 1% ВВП ежегодно, в течение 15–20 лет. Источниками средств могли стать доходы от приватизации и нефтяные доходы. Отметив возможные возражения против компенсаций и причины невнимания реформаторов к проблеме, докладчик ретроспективно описал действия, которые позволили бы осуществить такую компенсацию.

А. С. Скоробогатов (НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург) выступил с докладом «Последствия социализма для экономики современной России». Рассмотрев расположение лагерей ГУЛАГ на карте СССР, он показал, что лагеря привели к освоению отдаленных областей страны и способствовали формированию и росту городов вблизи бывших лагерей. Сравнив города по возрасту и уровню зарплат, можно сделать вывод, что молодые города богаче истощаемыми ресурсами, хуже для жизни, но предлагают более высокую оплату труда. Это укладывается в шумпетрианскую концепцию пространственного созидательного разрушения, объясняет возникновение и упадок богатых локаций. Особенностью таких новых городов в России является их основание и развитие благодаря природным богатствам регионов и наличием дешевого принудительного труда, но впоследствии удерживать население стали высокой зарплатой, а при истощении или обесценении ресурсов население уезжает. В итоге, если в советское время больше уезжали на восток и на север, то теперь направление миграции изменилось в обратных направлениях.

Ю. В. Кузнецов (Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов РФ, Москва) в докладе «Планирование в СССР и РФ: разрыв и преемственность» противопоставил программно-целевое бюджетирование и стратегическое управление в РФ, применяемое в настоящее время, народнохозяйственному планированию, существовавшему в СССР. Основными недостатками прежней системы докладчик считает ориентацию на натуральные показатели и слабость стоимостных расчетов, отсутствие согласования конечных целей с плановыми показателями и балансами ресурсов. Преодоление этих недостатков докладчик видит в программно-целевом подходе, но отмечает, что при многообразии документов стратегического планирования, некоторые из них, в частности государственные программы, оказались мертворожденным механизмом.

В. В. Вольчик (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону) продолжил тему колеи в докладе «Эффект колеи в эволюции российской инновационной системы». Рассматривая по Норту природу колеи как ограничение возможностей выбора, существующих в настоящем, основанное на историческом опыте прошлого, он видит проявление колеи в регулировании инновационной сферы: в определении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники, а также в принуждении к инновациям.

Доклад *Ю. В. Латова* (Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва) «Запрос на перемены» как результат незавершенности «антиноменклатурной» революции 1991 г.» тоже можно отнести к теме колеи, но только с другой стороны, как

социологический анализ сил, желающих выйти из колеи. Исследуются периоды наиболее активного желания перемен, социальный состав, направление перемен. Доминирующим вектором направления перемен оказывается запрос на сочетание рынка и демократии с социальной справедливостью. Сохранение этого вектора в настоящее время свидетельствует о незавершенности перемен 90-х гг. Общий вывод докладчика состоит в том, что существуют объективные факторы для перемен, но пока нет консолидации сил, способных осуществить эти перемены.

К. И. Сонин (Чикагский университет; НИУ Высшая школа экономики, Москва) в докладе «Политическая экономика защиты прав собственности» обратился к эволюции защиты прав собственности в России. Отметив уникальность перехода от социалистической экономики, с государственной собственностью на производственные активы, к рыночной экономике с частной собственностью, он подчеркнул специфику формирования институтов защиты прав собственности в России. Теоретически институты могут поддерживать множественное равновесие, когда никакому экономическому субъекту невыгодно отклоняться от выбранной стратегии, и со стороны субъектов экономики нет спроса на изменение институтов («институциональная ловушка»). Предполагается, что для преодоления такой ловушки и формирования хороших институтов нужен политический спрос на них и частная собственность является источником такого спроса. Но в российской реальности к концу 90-х институты в большой степени защищали интересы самых богатых и, как показал ряд исследований, их борьба за ренту способствовала сохранению плохих институтов. Возникает вопрос, насколько патерналистское государство может создавать хорошие институты и способствовать защите прав собственности для всех экономических субъектов.

Д. Я. Травин (Европейский университет в Санкт-Петербурге) в завершающем конференции докладе «Современная Россия: советская, несоветская, анти-советская, постсоветская?» вернулся к политической оценке итогов развития России за последние 30 лет. Как отметил докладчик, начиная реформы, многие наивно ожидали кардинальной перестройки общества, вместо дефицита — избытие товаров, вместо централизованного планирования — свободный рынок, вместо изоляционизма — тесную интеграцию в мировую экономику и т. д. Идеализированные примеры успешных стран способствовали завышенным ожиданиям быстрого перехода к новому обществу без длительной институциональной шлифовки. Реальное развитие, отличающееся от идеализированных ожиданий, на первый взгляд показывает провал модернизации. Но отсутствие массовых политических настроений к возврату свидетельствует о вполне рациональном поведении общества, в частности поддержку стремления к рыночной экономике и отказ от поддержки институтов, смысл которых пока непонятен (демократия), стремление вписаться в сложившуюся систему и получить максимальную личную выгоду. Это подтверждает здоровый рационализм российского общества.

Д. Н. Колесов

Санкт-Петербургский государственный университет